

II. Неизвестное

В последние несколько столетий все говорят о «познании», о «картине мира», однако справедливости ради надо сказать, что наше незнание, наши представления о неизвестном или хотя бы вера в существование этого неизвестного не менее важны, чем познание и картина мира. Неизвестное на этой картине составляет задний план, основу, поверх которой накладываются краски, и которая тут и там просвечивает на местах, где красок не хватило – вернее, там, где художник не знал, что изобразить. «Просвещение», как определенное наклонение ума, как некоторая интеллектуальная вера, мечтает о мире, в котором неизвестное или отсутствует, или существует только временно; его цель – полное знание, а затем и покорение мира. Что мы познаем, тем сможем управлять. Смотреть на мир научно, значит видеть в нем механизм, устройство которого мы знаем не полностью, однако со временем сможем узнать. Тогда мир станет управляемым, человек воистину станет «яко Бог»... и будет сходить в могилу, удовлетворенный властью над звездой и над мельчайшей песчинкой. (Словом, это то, о чем с таким подъемом писала научная фантастика прошлого века, в особенности Лем и братья Стругацкие. Не касаюсь здесь вопроса о том, насколько всевластие способно дать человеку счастье. Лично я в этом очень сомневаюсь.) Иными словами, научная картина мира – картина, не имеющая фона. Здесь всё – на поверхности; всё неизвестное заключено в уже известном, и нет такого слоя, на котором нельзя было бы разглядеть очертаний картины в целом. Научно понимаемый мир, можно без преувеличения сказать, есть мир без тайны.

Думаю, даже картонный меч не следует поднимать против этой фантазии. Это так же неправдоподобно, как учение Руссо об природной доброте человека, как вера в неподверженное заблуждению «большинство голосов», как «исторический материализм» в качестве последнего объяснения общественного развития... Однако вера в это неправдоподобное выросла и ныне господствует над умами; догмат отсутствия тайны, если так можно сказать, не подвергается сомнению. Соблазн наших дней – ложное всеведение, вера в науку, как обладательницу знания обо всём. Нет глупости или нелепости, которую нельзя было бы ввести в обиход, снабдив ее словами: «наукой доказано». Исчезновение тайны уничтожило умственный горизонт и связанное с ним чувство перспективы. *Тайна* была таким горизонтом, по мере приближения к которому все умственные представления умахались, меркли в тумане, чтобы постепенно сойти на нет. Чувство *неведомого на горизонте* облагораживало ум, предохраняя его от самообмана.

К. Леонтьев некогда недобро шутил об исследовании «нервной системы морского таракана» как образцовом примере получения ненужных познаний, и предсказывал время, когда тяга к подобным исследованиям пропадет. Но в «таракане» ли дело? Исследования мельчайших мелочей сами по себе не дурны и не хороши – до тех пор, пока мы признаём *непознанное и непознаваемое*. То самое *солнце непознанного на горизонте* придает смирения исследователю, пока он его видит. В наше время с Леонтьевым приходится согласиться: со времени изгнания из мироздания тайны пресловутая «нервная система морского таракана» приобретает совершенно чуждое науке, *добавочное значение* еще одного подтверждения человеческого всеведения. «Если и это знаю – что мне не открылось?»

Всё это не так смешно, как это может показаться. Свобода, с которой исследователь наших дней простирается в прошлое, в будущее, обобщает и выводит законы, выглядела бы необъясни-

мой для позитивиста прошлых времен, который, может быть, осуждал христианство за его догматическое, т. е. критически непроверяемое и невыводимое содержание, но и сам избегал всякого вывода, не подтверждаемого положительными фактами. Позитивист был, так сказать, ограничен признаваемыми им самим правилами игры, и потому мог отважно сказать о мировых тайнах: «Ignoramus et ignorabimus!», «Не знаем и не узнаем!» (Emil du Bois-Reymond, 1880). Современная мысль имеет другую задачу: не допустить самой мысли о тайне, тем более о непознаваемой.

Что нельзя объяснить, то можно спрятать. Целый ряд вопросов (происхождение жизни, развитие животных видов, возникновение человека, душевная жизнь) изъят из обсуждения. По отношению к ним всесильный опытный метод бессилён; они не обладают «повторяемостью при тождестве условий» – неперменным свойством всего, что может быть уловлено в сети закона; поэтому все эти загадки считаются *как бы решенными* – т. е. условно объясненными на основании некоторых недоказуемых предположений или сравнений (работу сознания, например, сравнивают с работой вычислительного устройства; деятельность «естественного отбора» – с усилиями конструктора или изобретателя). Нет мироздания без тайн – есть только видимость, привычка не смотреть на темные, незакрашенные места картины.